
В. В. ЛАПКИН

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ: О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ И АГРАРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье предпринимается попытка проследить глубинную и существенную взаимосвязь Крестьянской реформы 1861 г. и революционной катастрофы 1917–1918 гг. в России. Проводится анализ социально-политических последствий того способа планирования и реализации реформы, который предполагал пролонгацию и даже определенное ужесточение практик политико-правового исключения бывшего частновладельческого крестьянства из социально-политической жизни российского общества наряду с существенным усилением фискального гнета и иных способов безвозмездного отчуждения продуктов крестьянского труда. Все это в целом оформилось в политику «консервации» российского крестьянства в «общинно-передельном гетто», что за несколько пореформенных десятилетий сформировало главную, стратегическую угрозу самодержавному имперскому порядку. Пересмотр этой политики в ходе революции 1905 г. и посредством реформ П. Столыпина открыл возможности для перехода крестьян к подворному землевладению. Но эти новые реформы не смогли упразднить доминирующее положение передельной общины в российской деревне, да и не предполагали этого. Они лишь сделали очевидным и политическим размежевание передельной и подворно-хозяйствующей деревни. А с весны 1917 г. стихия аграрной, общинно-передельной революции, поравнений и погромов частноземлевладельческих хозяйств стала тем тараном, с помощью которого большевиками была осуществлена значительная часть работы революционного низвержения старого социального порядка. Начался новый, советский этап российской истории.

Ключевые слова: Крестьянская реформа, передельная община, свобода, рабство, модернизация, внутренняя колонизация, аграрный вопрос, индустриализация, общегражданская юрисдикция, аграрная революция.

...Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам...

М. А. Волошин

Крестьянская реформа 1861 г. и революционная катастрофа 1917–1918 гг. Связь между этими двумя ключевыми событиями современной российской истории практически очевидна для всех и каждого, однако ее причинность (*каузальность*) и фундаментальная природа остаются до настоящего времени не вполне ясными и вызывают горячие дискуссии концептуально-мировоззренческого порядка. Свобода, дарованная в 1861 г. российским самодержцем рабам своих подданных (*частновладельческим, или крепостным* крестьянам¹), выглядела таковой лишь с позиции эмансипаторов – самодержавной власти и помещичьего сословия, что отразилось в соответствующей риторике «освободительной эпохи» и в традиции формально-правовых оценок свершившегося. Реакция самих крестьян была, как известно, по меньшей мере неоднозначной. Но если первоначальное разочарование прежде частновладельческого крестьянства сосредотачивалось в основном на систематическом и повсеместном завышении выкупной цены крестьянского надела и практике пресловутых отрезков, то со временем стало доминировать ощущение кабальности нового пореформенного положения, растянувшегося на новые десятилетия *фискального закрепощения* крестьянина в общине.

Поясним кратко существо пресловутой общинно-передельной практики крестьянского землепользования. Такая практика (не путать с практикой соседской общины) вводилась властями, как правило, в качестве альтернативы подворному землевладению лишь по мере нарастания дефицита земель (роста малоземелья), причем зачастую довольно поздно – лишь в начале, а порою и в середине

¹ Эти два термина, используемые зачастую как синонимы, несут в себе принципиально различные смыслы: в одном случае – личную зависимость крестьянина от частного лица, его хозяина; в другом – его «крепость», его жестко контролируемую государством связь с землей, с обрабатываемой им пашней. И это смысловое разногласие, коренящееся в не всегда отчетливом различении природы зависимости-несвободы этой наиболее массовой группы российского крестьянства, сплошь и рядом приносит смысловую зыбкость и двусмысленность в наше понимание существа аграрного вопроса в России XIX–XX вв., а в более широком смысле – в понимание природы современного российского общества и особенностей его формирования в последние полтора столетия.

XIX в., вытесняя прежний обычай наследственного пользования земельными участками. Это видно на примерах, скажем, удельных крестьян, особенно в северных и приуральских губерниях (в данном случае, что характерно, такая практика вводилась, как правило, по распоряжению удельного управления). Реформа 1861 г. резко усилила земельный голод крестьянства. Это происходило отчасти за счет распространения отрезков и «сиротских» наделов, отчасти в результате начавшегося невиданного прежде демографического взрыва в пореформенной российской деревне, дополнительно имобилизованной политикой консервации общины. В итоге реформа стимулировала усиление общинно-передельных практик, в конечном счете фактически стремясь легализовать и кодифицировать их (см. соответствующий закон 1893 г.), но тем самым подрывая возможности развития частного (семейного) крестьянского землевладения, равно как и распространения, укоренения частной собственности и наследственного права в сфере аграрных отношений.

Вместе с тем вовлеченное в реформу бывшее частновладельческое крестьянство оказывалось исключенным из социально-политической жизни российского общества, что формировало главную стратегическую угрозу имперскому порядку, лишь усиливающуюся в течение всего предреволюционного полувека.

Некоторый пересмотр позиций власти в отношении передельной общины произошел, как известно, лишь под давлением событий 1905 г. Реформы Столыпина обозначили вынужденный отказ власти от политики опеки общинного строя – прежде в течение всех пореформенных десятилетий основы фискального и полицейского закрепощения «освобожденного» крестьянства; судьба самого реформатора – раздраженную реакцию власти на это свое вынужденное решение.

Наиболее дальновидные защитники самодержавной власти (такие, например, как С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. И. Гучков, во всем прочем, как правило, расходившиеся) ясно осознавали неблагонадежность общины в новых условиях. Но и «водители пролетариата» прекрасно видели уникальные возможности использования доведенной до отчаяния передельной общины в качестве своего рода «социального рычага» для сокрушения прежней российской государственности и обретения власти в стране. В период революцион-

ной смуты лета – осени 1917 г. ставка большевистских лидеров (прежде всего Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина) на радикальное решение аграрного вопроса, на всемерное поощрение и разжигание *общинно-передельной революции* (Пивоваров 2009: 36–48) в конечном счете обеспечила большевикам не только успех в деле разложения прежнего самодержавного режима, но и решающее преимущество в борьбе с многочисленными протобуржуазными политическими движениями за политическую гегемонию в потерявшем ориентацию и способность к эффективной самоорганизации обществе.

В одной из своих публикаций известный исследователь Крестьянской реформы Л. Г. Захарова констатировала, что реформа 1861 г. «не решила земельного вопроса», а лишь завязала «гордиев узел», который не сумели развязать две буржуазно-демократические революции (Захарова 1992: 42). Но, в полном соответствии с духом метафоры, большевики, идущие своим, особым путем в политике, не стали тратить время попусту и развязывать старые узлы, шадить все еще непрочную социальную ткань. Они дали стране образец иной, радикальной практики, «разрубив» узел аграрных проблем путем национализации земли и в этих новых условиях предоставив на первых порах (в самый критический момент своей борьбы за власть, в которой их шанс на победу был обусловлен беспощадным разрушением прежнего социального порядка) именно *передельной крестьянской общине* «эксклюзивное право» решать вопросы землепользования на местах.

Поразительно, но вопреки самоотверженным усилиям и очевидным успехам самодержавных реформаторов начала XX в. ставка большевиков на общину в преддверии разворачивающейся в стране Гражданской войны оказалась чрезвычайно эффективной. При этом с формально-правовой и либерально-демократической точки зрения община была рудиментом прошлого – и уже фактически преодоленным. Тем не менее потенциал «преодоленной» общины оказался достаточным не только для инициации и проведения радикальных аграрных преобразований и тотального поравнения в деревне с последующим введением в ней режима продразверстки (январь 1919 г.). Именно с ее помощью большевистский режим смог «поставить на колени» российский «город» и обеспе-

чил себя ресурсом для проведения не только в «деревне», но и в стране в целом политики *военного коммунизма* (с конца 1917 по март 1921 г.). Именно используя ее (общины) разрушительный для страны «эгоизм» краткого периода «вакханалии земельных переделов» (Лапкин 1989: 132), большевики создали предпосылки для утверждения в России на десятилетия вперед нового *коммунистического* самодержавного режима.

Постановка исследовательских вопросов

1. Практические формы осуществления аграрных преобразований, инициированных реформой 1861 г., во многом предопределили конфликтный характер пореформенной эпохи. Первые признаки усиливающегося социального неблагополучия обнаружились довольно скоро: знаменитые петербургские пожары 1862 г., следовавшие затем первые эксцессы террора, первые опыты «нечаевщины», крах народнической авантюры «хождения в народ», бесовство народовольцев, жестокое, роковое по своим последствиям убийство «царя-освободителя». И уже при новом государе Россию потряс голод 1892–1893 гг., невиданный, подготовленный пореформенной аграрной политикой и спровоцированный новой государственной стратегией накопления финансовых ресурсов (о чем подробнее будет сказано позже). Сквозь полосу кризисов и социальных потрясений страна вступала в XX век, раскручивая маховик «Красного колеса» (выражение А. И. Солженицына) и культивируя фантазмагорию подполья радикальных социалистических партий в безбуржуазной России.

Но параллельно с этим – особенно в 1890-х гг. и с новой силой в 1910–1914 гг. – происходил бурный рост тяжелой индустрии, казенного железнодорожного строительства, промышленного производства, пролетариата, наблюдались отчетливые признаки финансовой стабилизации, укрепления рубля и грядущего экономического расцвета, выводящего страну на передовые позиции в ряду индустриальных держав.

В чем же секрет и в чем разгадка этой поразительной и в известном смысле противоестественной взаимосвязи? Этого *de facto* весьма эффективного симбиоза социального неблагополучия сель-

ских масс и расцвета городской промышленно-финансовой цивилизации в России начала XX в.?

2. Как случилось, что передельная община, на которую как на естественную опору государственного строя России сделали ставку самодержавные реформаторы-освободители 1861 г., по мере реализации реформы превращалась в основную революционную, тотально разрушительную силу, грозящую, подобно нашествию гуннов, уничтожить прежний социальный порядок? Чем объяснить тот удивительный факт, что именно неумолимо влекомая обстоятельствами к своему окончательному разложению община в своем как бы «предсмертном порыве» смогла стать мощнейшим, глобального масштаба фактором социальной эволюции? В чем секрет столь резко возросшей в пореформенную эпоху ресурсной мощи этого «отмирающего» института?

3. Как, наконец, объяснить то обстоятельство, что, *de jure* решительно упразднив частновладельческое крепостничество, Реформа, рассматриваемая в аспекте ее неотвратимых и практически непреодолимых последствий, подготовила семь десятилетий спустя тотальное государственное закрепощение российского общества, что в сфере аграрной политики приняло формы пресловутого Второго крепостного права (большевикова), ВКП(б)?

«Решение» аграрного вопроса в ходе реформы 1861 г. Проблемы и противоречия

В середине XIX в. к крестьянскому сословию в России причислялось, по оценкам, около 80 % из 57 млн ее населения. При этом, по данным Девятой ревизии 1851 г., из проживающих в стране 29 млн лиц мужского пола владельческие крестьяне составляли 37 %, государственные (без учета Закавказья и сибирских губерний и областей) – 31 %, удельные – 3 % (Кеппен 1857: 215–216).

Основным актом реформы 19 февраля (3 марта) 1861 г. – «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» – бывшие крепостные (или, как их еще называли, частновладельческие)² крестьяне переставали числиться таковыми и объ-

² Всего от личной крепостной зависимости, согласно «Общему положению...», подписанному Александром II, было освобождено 22,5 млн крестьян (см., например: МСЭ 1959, т. 5: 99–103).

являлись «временнообязанными» и получающими права «свободных сельских обывателей». Уже в одной этой вполне банальной и исчерпывающе объективной фразе содержатся все три ключевых момента «лукавства» реформаторов, в итоге завязавших, как уже упоминалось выше, неодолимый «гордиев узел» российского аграрного вопроса.

Начну с самого «невинного» из трех.

1. Термин «частновладельческое крестьянство» в определенном смысле даже более одиозен, нежели термин «крепостные», поскольку в первом случае речь напрямую идет о *владении людьми* (то есть о *рабстве*), тогда как во втором – лишь о закреплении, то есть ограничении их прав и свобод³. Этот терминологический «разнобой» примечателен, так как «частновладельческое крестьянство» – термин, соответствующий «юридической точке зрения на предмет» с позиций господствующего землевладельческого класса, фиксирующий желательную для него оценку положения вещей⁴. Напротив, в общественной традиции, более чувствительной к понятиям морали и справедливости, закрепился термин «крепостные», более неопределенный и расплывчатый юридически, но более соответствующий неопределенности во взаимоотношениях крепостных и их господ, а также не меньшей неопределенности в подходах самодержавия к разрешению противоречий во взаимоотношениях и правовом статусе этих двух важнейших сословий ис-

³ Важнейшим таким ограничением был запрет покидать то сельское общество, к которому принадлежал каждый член крестьянского сословия, без письменного разрешения (паспорта), получаемого от помещика (для частновладельческих крестьян) или местной администрации (для государственных или удельных крестьян). Впрочем, на протяжении всего периода крепостного права, особенно со второй половины XVIII в., это ограничение в массовом порядке преодолевалось практикой отходничества...

⁴ Говорить в России о частной собственности помещиков на крепостных, как, впрочем, и об иных видах частной собственности, следует по меньшей мере с осторожностью. Крепостное право фактически было административным поручением самодержавия своим доверенным лицам, своему служилому сословию – дворянам-помещикам. И даже после их освобождения Екатериной II от обязательной службы в армии или в структурах государственного управления (Жалованная грамота дворянству от 21.04.1785) они отнюдь не были освобождены от обязанности хозяйственно-административного управления на территории своих поместий; более того, их обязанности перед правительством лишь усиливались. «Благодаря новым обязанностям, возложенным государством на помещика, он сам входит в состав административного механизма и заслоняет своей фигурой крестьянина от государства» (Боголюбов 1911: 59).

торического Российского государства. Самодержавие, заботясь о своем европейском имидже, предпочло отказаться от одиозного рабства, «людьмивладения», в любом облики и выражении неприличного в Европе середины XIX в. Но оно не могло «разом» отказаться от крепостнического порядка, намертво связавшего помещиков-землевладельцев, социальную опору режима, и обрабатывающих их земли крестьян, главную даровую рабочую силу Империи⁵. Существом произошедшего в ходе реализации Крестьянской реформы стало *принуждение крестьян* к принятию *особого правового и владельческого статуса* членов поземельной общины, связанных круговой порукой, иначе говоря, лиц, выведенных из-под общей юрисдикции и со временем отданных под попечительное усмотрение земского начальника, лиц, чье положение в государстве С. Ю. Витте в свое время детально сопоставил с «положением взрослых детей (существ особого рода)» (Витте 1991: 515–516).

Иными словами, Крестьянская реформа провозгласила лишь отмену личной зависимости частновладельческих крестьян от помещика, но не их крепостной зависимости, привязывающей крестьянина к его тяглу, к его земельному наделу (в абсолютном большинстве интересующих нас случаев – в рамках системы общинного землевладения, что было особо обусловлено «Общим положением...» 1861 г.). Крепостная зависимость в 1861 г. не была отменена, а была лишь отчасти смягчена. Отчасти, поскольку возможность *de jure* выхода из крепости упростилась (*de facto* отходничество уже в период крепостничества предоставляло многим крепостным такую возможность). Но это «ослабление» компенсировалось усилением налогового бремени крестьянства, остающегося в общине, и общим увеличением принудительного изъятия (как абсолютного, так и относительного) производимого общинным крестья-

⁵ А. Н. Медушевский, ссылаясь на одно из положений «Наказа» Екатерины II, приводит суждение императрицы о возникновении в ходе исторического развития аграрных отношений тупиковой ситуации, скрепляющей «цепью великой» «барина» и «мужика» (Медушевский 2005: 74). История знает только два гарантированно результативных средства разрыва таких «социальных цепей»: деньги, рынок, товарное обращение; либо же власть – государственное принуждение. Выбирая путь реформ, российское самодержавие предопределило *деньгам* роль вспомогательную, усиливающую *принуждение* к существованию в общине, что позволяло ему до высшего предела увеличивать изъятие прибавочного, а порою и необходимого, продукта сельского производителя.

янством продукта. Провозглашалось лишь упразднение *частновладельческого состояния*, реформа предполагала упразднение права помещиков на владение этим *особым видом частной собственности* (крестьянами), тогда как крепостное состояние крестьянства, пусть и в «мягкой» форме, сохранялось.

Предметом реформы стал лишь этот частновладельческий статус крестьян, тогда как крепостная зависимость оказалась более фундаментальным элементом «русской системы». Отказ от этого краеугольного ее элемента произошел в конечном счете лишь спустя столетие, когда окончательно завершился переход к новому, индустриальному формату существования и на смену архаичной «крепости» в качестве механизма контроля пришла «прописка», предполагающая обязательное наделение всего населения теми самыми *паспортами*, которые прежде требовались покидающим свое сельское общество отходникам.

2. Вторым моментом «лукавства» реформаторов стало введение «временнообязанного» состояния. «Общим положением...» 1861 г. срок временнообязанных отношений установлен не был. В то же время характер этих отношений фиксировался в уставных грамотах⁶ размерами общинных наделов и крестьянскими повинностями в рамках общинной круговой поруки. На время этого состояния помещики, остающиеся собственниками земли, обязаны были, согласно «Общему положению...», предоставить в пользование крестьянам усадебную оседлость (небольшой участок земли, окружающий их жилище), а также полевой надел – в *коллективное пользо-*

⁶ Их составление было в основном закончено к середине 1863 г., и именно в ходе этого процесса были практически и юридически закреплены на десятилетия вперед стороны противостояния интересов в пореформенной деревне. Дело в том, что обязывающие условия уставных грамот оговаривались не с отдельным крестьянином, домохозяином, а с крестьянским «миром» как целым. Тем самым именно «мир» целенаправленными усилиями власти превращался в нового российского крупного землевладельца, хозяина неотчуждаемой общинной земли, объективно становясь альтернативной помещику силой российской деревни, живущей в условиях *особого* правового режима. Вместе с тем этот роковой выбор власти (его мотивация – предмет особого разговора) на многие годы, вплоть до Первой русской революции, задал своего рода мейнстрим развитию аграрных отношений в стране, когда «мир» и поземельная община (в обеих ее формах: и передельной, и, что встречалось реже, практикующей подворное землевладение) рассматривались как норма, основа стабильности российской деревни, а *частное* крестьянское землевладение – в лучшем случае как курьезная и подозрительная девиация.

вание сельскому обществу. Пользование полевым наделом (до заключения выкупной сделки) предполагало сохранение за крестьянской общиной, предусмотрительно скрепленной круговой порукой, прежних (слегка смягченных) повинностей в пользу помещика (оброка и барщины). Причем в течение девяти лет крестьяне были лишены права отказаться от пользования надельной землей. Помещик становился «попечителем» сельского общества временнообязанных крестьян, наделенным в своей вотчине фактически полицейскими функциями и правом решительного вмешательства в действия новой сельской администрации. При этом крестьяне считались теперь лично свободными.

Предусматривались различные варианты прекращения временнообязанного состояния и перехода на выкуп. Принято считать, что общим правилом было требование взаимного добровольного соглашения между помещиком и крестьянами. На деле это было далеко не так. Интерес помещиков заключался в получении от правительства процентных бумаг в счет оплаты земель, переходящих в собственность крестьянской общины. Крестьянская община при этом принимала на себя обязательства уплаты правительству процентов и погашения по выданным выкупным ссудам из расчета 6 % в год в течение 49,5 лет. Предоставление ссуды было обусловлено приобретением крестьянской общиной усадебной оседлости *вместе* с полевыми землями и угодьями. При этом полевой надел мог, в зависимости от выгод помещиков, уменьшаться посредством отрезков, которыми стимулировались барщинные отработки, или, что было реже и в областях, где рыночная стоимость земли невысока, даже увеличиваться в сравнении с дореформенным. К тому же община должна была накопить ресурсы (зачастую не в денежной, а в натуральной форме так называемых отработок) для разовой выплаты помещику 20 % выкупной суммы, пресловутого дополнительного платежа, являющегося условием перехода на выкуп по взаимному соглашению (подробнее см., например: Россия... 1998: 136–137).

Если же крестьяне не хотели договариваться с помещиком, то у них была возможность выкупить лишь усадьбу; при этом выкупную сумму крестьяне должны были внести самостоятельно и сполна. Кроме того, отказываясь от права выкупа, крестьяне могли по-

лучить бесплатно так называемый дарственный надел в размере четверти от надела, подлежащего выкупу. Такая практика была распространена в черноземных губерниях, где высокая цена земли, назначаемая помещиками, часто делала выкуп полного надела разорительным для крестьян.

В свою очередь, помещик мог также, не договариваясь, обязать крестьян выкупать землю без достижения согласия с ними. В этом случае выкупная сумма определялась оброком, капитализированным из 6 % годовых, а дополнительный платеж крестьянами не вносился⁷.

Наконец, для крестьян предусматривалась и возможность внесения в полном объеме выкупной суммы отдельным домохозяйством, после чего он имел право требовать выдела ему соответствующего участка в частную собственность. Эта возможность со временем стала рассматриваться властью как расшатывающая общинное землевладение и была отменена в 1893 г.; впрочем, ее использование для большинства крестьян было непосильной задачей, и к концу 1880-х гг. посредством такой возможности было выкуплено немногим более 100 тыс. душевых наделов.

Несмотря на множественность возможностей перехода на выкуп, его завершение затянулось до начала 1880-х гг., и потребовалось вмешательство правительства, специальным законом от 28.12.1881 г. установившего обязательный выкуп наделов временнообязанных крестьян с 01.01.1883 г.⁸ Только с переходом на выкуп обязательства крестьян перед помещиками по поводу их полевого надела прекращались. Иными словами, *выход из личной зависимости (частновладельческого состояния) de facto растянулся бо-*

⁷ К концу 1870-х гг. число сделок по требованию помещиков почти вдвое превышало число сделок по обоюдному соглашению. Это было особенно характерно для губерний и уездов, где было сильно развито отходничество, которое стимулировало резкое увеличение размера оброка, не связывая его с плодородием земли. Но поскольку размер выкупных платежей исчислялся исходя из установленного оброка, в регионах массового распространения отходничества – вблизи крупных, особенно промышленных, городов, торговых путей и пр. – эти платежи могли порою в разы превосходить рыночную стоимость земли. В этой ситуации для помещиков весьма заманчивой представлялась возможность «преодолеть» несогласие крестьян путем *принудительного* перевода их на выкуп. При этом потеря крестьянского дополнительного платежа с лихвой компенсировалась существенно завышенной ценой земли, включенной в стоимость процентных бумаг, получаемых помещиками от правительства.

⁸ К концу XIX в. временнообязанные крестьяне оставались лишь в Закавказье.

лее чем на двадцать лет. Итак, непосредственная личная зависимость крестьян от своих бывших владельцев была в конце концов упразднена, «полномочия владельцев, носившие гражданско-правовой характер, были совершенно отменены, не безвозмездно... но безостаточно. Правомочия же помещика публично-правового характера, например, его власть применять “исправные” наказания и ссылая, перешли почти полностью к органам управления, частью к общегосударственным органам, а главным образом, к “миру”, к сословному крестьянскому обществу. Последнему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов...» (Вормс 1911: 31–32; цит. по: Коновалов 2011: 51). От себя же добавим, что тем самым лишь при Александре III в России было покончено с практикой *владения одних людей другими*. До Революции оставалось немногим более 34 лет.

3. Наконец, по поводу прав и статуса «свободных сельских обывателей», в просторечии крестьян. От прочих, в том числе и податных, сословий в юридическом отношении они отличались прежде всего сохраняющимся действием норм обычного права в отношениях между членами «общества», предусматриваемым законодательством попечительством местных властей (сельского старосты, волостного старшины, позднее – земского начальника) над ними («в целях их хозяйственного обустройства и нравственного преуспеяния»), а также обязательностью их приписки к определенному сельскому обществу или волости, которая давала право пользования земельным наделом, выделяемым сельскому обывателю его обществом.

Более того, вслед за реформой положения частновладельческих крестьян началось реформирование удельных (26.06.1863) и государственных (24.11.1866) крестьян, которые переводились в разряд крестьян-собственников в рамках все того же общинного землевладения и путем обязательного выкупа земли. При выкупе земли удельных крестьян также практиковались отрезки (как и в случае помещичьих крестьян), но в существенно меньших объемах (тем не менее происходившее при этом сокращение их земельных наделов также стимулировало движение среди этого класса крестьян к *перудельной* общине). Среди государственных крестьян в целом за ними сохранялись все земли, находившиеся в их пользовании до

реформы. В итоге с точки зрения душевых наделов земли бывшие государственные крестьяне оказались в наиболее, а бывшие частновладельческие – в наименее благоприятном положении. К тому же и выкупная цена земли в случае удельных, особенно государственных, крестьян оказалась существенно ниже и гораздо более соответствовала рыночной, что, естественно, давало дополнительные аргументы тем, кто видел в выкупной цене земли для частновладельческих крестьян существенную составляющую, обусловленную «ценой» выкупа самих «крестьянских душ».

В целом же власть, приступившая к реформам, затронувшим все классы крестьянского населения России, изначально и последовательно, почти на протяжении полувека, делала ставку на крестьянскую общину как наиболее эффективный инструмент своей политики в деревне. *Община*, скрепленная *круговой порукой*, представлялась реформаторам почти идеальным компенсаторным механизмом перехода подавляющего большинства российского населения из рабства к свободе. Существует обширная литература, исследующая мотивы этого выбора власти. Наиболее проясненные среди них сводятся в основном к острым и представлявшимся безотлагательными, но по сути сиюминутным, прагматическим потребностям поддержания спокойствия в деревне и преодоления острых финансовых затруднений правительства в период конца 1850-х – начала 1860-х гг.

В аналитическом обзоре, посвященном англоязычной историографии по отмене крепостного права в России, О. В. Большакова так резюмирует выводы С. Хока (см.: Хок 1992: 91–98): «...реформа готовилась в условиях финансового кризиса, суть которого составляли растущий государственный долг, инфляция, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, невозможность восстановить обратимость рубля и, наконец, крах государственных кредитных учреждений летом 1859 г.» (Большакова 2011: 210). Необходимо было одновременно реструктурировать внешние и внутренние долги, вкладывать средства в развитие транспортной сети, подготавливать крестьянскую реформу и выкупную операцию, развивать сельскохозяйственный кредит... И в результате, подводит итог О. В. Большакова, ввиду затруднительных условий банковского кризиса, специально создан-

ная Финансовая комиссия, в состав которой входили Н. А. Милютин, Н. Х. Бунге, М. Х. Рейтерн и многие другие видные и авторитетные сановники, «сочла возможным ограничить миссию правительства ролью посредника, а не кредитора: все процентные и основные выплаты, все административные и непредвиденные расходы должны были покрываться за счет крестьянских платежей» (Большакова 2011: 210–211). Сам С. Хок резюмирует еще более саркастически: «...царское правительство не потратило ни копейки на проведение великой реформы по превращению более 20 млн бывших крепостных крестьян в собственников» (Хок 1992: 98)⁹.

Итак, поворачивая страну на путь модернизирующих реформ, призванных обеспечить ее органичное вступление в ряд современных держав того времени, власть сделала стратегический выбор относительно того, кто будет «оплачивать расходы», связанные с этими преобразованиями. Естественным для власти «крайним» стало «освобождаемое» общинное крестьянство, а чтобы платежи по расходам были гарантированными, оно было наделено особым, кабальным правовым и социальным статусом. Этим фактически закладывались основы его «внегосударственного» состояния, институциональной и правовой изоляции, «сословной обособленности» (см., например: Коновалов 2011: 214). Реализовать такой вариант реформы можно было, только сковав крестьянство (составлявшее, повторю, подавляющее и быстрорастущее большинство населения) круговой порукой и общинным землевладением. Только при этих условиях, заперев крестьянина в общинной неволе, можно

⁹ На деле ситуация была еще более одиозной. Правительство сделало все возможное, чтобы максимально полно и с избытком компенсировать помещикам их материальные и моральные потери изъятия большей части крестьянской земли из помещичьей собственности и двадцати миллионов крепостных душ из помещичьего «ведения». При этом, по мнению Н. М. Дружинина, сотрудники редакционных комиссий в большинстве своем «стремились совместить юридическую свободу личности с фактическим “прикреплением” крестьян к земле, причем многие придавали этому “прикреплению” юридический титул собственности» (Дружинин 1927; цит. по: Коновалов 2011: 167). Суть вопроса с точки зрения помещичьих интересов заключалась в том, чтобы «отвести крестьянам такой надел, который не устранил бы у них потребности в подсобном заработке. Таким образом, вопрос о выкупе сводился к следующему основному вопросу реформы: о размерах отводимого полевого надела...» (Там же). В итоге, заключает на сей раз Д. Филд, члены редакционных комиссий «заложили в законодательных актах такие преимущества для дворянства, каких едва ли могли потребовать самые горячие защитники их прав» (см.: Field 1976; цит. по: Коновалов 2011: 240).

было, как полагали реформаторы, решить сразу все проблемы: и поправить финансовое состояние государства, и обеспечить оставшихся без крепостных помещиков средствами существования, и найти, пусть и формальное, решение проблемы крестьянской собственности на землю.

Крестьянская реформа обозначила и еще один тектонический сдвиг в обустройстве самодержавного государства. Власть попыталась отказаться от управленческих услуг помещиков, откупиться, отправить их в этом качестве «на заслуженный и вполне обеспеченный отдых». Реформа сохраняла все необходимые условия для последующей внеэкономической (принудительной, во многом по-прежнему крепостнической) эксплуатации крестьянства, только без всякой прежней патриархальной ответственности помещика за его судьбу. Положившись на возросшую в первой половине XIX в. силу своей бюрократической машины, власть настолько уверилась в своем всемогуществе, что попыталась лишить дворянство одного из ключевых элементов его политического влияния в стране – права выступать попечителем (смотрителем) многомиллионного крепостного крестьянства. Политическое значение дворянско-помещичьего сословия резко пошло на убыль, синхронно с сокращением общего массива помещичьих земель, а также с заметным снижением доли дворянства, как потомственного, так и личного и служилого, в общей численности российского населения. До 1861 г. именно частновладельческий компонент крепостничества выполнял ключевую функцию консолидации самодержавного строя, чутко реагируя на его проблемы. С его упразднением прежняя крепостническая система, охватывающая практически все российское крестьянство и эффективно встроенная в петровский проект самобытной модернизации России, адаптирующей ее к императивам инородного Запада, была обречена на глубокую и принципиальную трансформацию.

Даже некоторая коррекция эпохи «контрреформ» Александра III и частичный возврат к практике привлечения помещиков к надзору и попечительству над «освобожденной» общинной деревней не изменили ведущего тренда перемен. Более того, бюрократия к этому времени уже не только становилась, но и начинала осознавать себя силой, предназначенной для реализации куда более ам-

бициозных задач – задач реализации иного типа стратегии развития. Удел исполнителя «аграрно-колониационного проекта» был ей уже не интересен. Впереди маячили задачи индустриальной колонизации России, в свете которых крестьянство выглядело лишь сподручным и почти ничего не стоившим ресурсом.

Итак, реформа пошла путем фактически дополнительного закабаления крестьянства мерами преимущественно фискального характера, причем напрямую, уже без посредничества помещика. В ходе реформы существенно укреплялась передельная община, поскольку в условиях растущего крестьянского малоземелья именно на нее государство возложило многочисленные фискальные и надзорные функции, ранее исполнявшиеся помещиком. Крестьянский мир стал *сам для себя* и сборщиком налогов, и полицейским... В целом же в стране формировалась мощнейшая социальная сила, исключенная из общенационального политико-правового процесса и потому способная перевернуть с ног на голову устоявшийся социальный порядок.

Коррекция периода Александра III в условиях переориентации стратегических приоритетов самодержавия

Из трех возможных стратегических альтернатив хозяйственного развития пореформенной деревни, ориентированного на внешний рыночный спрос: крестьянского предпринимательства, крупного частновладельческого предпринимательства, наконец, хозяйствования с использованием традиционных полукрепостнических методов (при земельной «закрепленности» работника, но отсутствии его формальной личной зависимости от землевладельца) – преимущество получила третья. Впоследствии она была дополнена «государственным предпринимательством», использующим нерыночные методы изъятия и последующей реализации зерновой продукции на внешних рынках (собственно, этот «предпринимательский ход» и был впоследствии положен в основу внешнеэкономических установок «сталинской коллективизации»).

Отметим некоторые предварительные (к концу 1870-х – началу 1880-х гг.) итоги избранного пути аграрных преобразований. С 1858 по 1880 г. государственный долг России увеличился с 1759 млн рублей до 4698,5 млн рублей, при этом 2472,8 млн рублей

были употреблены на военные расходы и покрытие дефицитов, 796,8 млн рублей на железнодорожные цели, 488,8 млн рублей на отверждение (обслуживание) текущего долга и только 496,1 млн рублей на выкупную операцию.

Для крестьян тяжесть выкупных платежей дополнялась усилением податного бремени. Если в 1856 г. подушная и оброчная, взимаемая с государственных крестьян, подати с питейным и соляным налогами давали 142,9 млн рублей, или 40,4 % всех обыкновенных доходов казны, то к 1881 г. подушная подать с акцизом (без соляного налога) давала уже 313,9 млн рублей, или 48,2 % доходов казны (Россия... 1991: 192). Сравнительно небольшая доля выкупной операции в общем объеме госдолга (менее 12 %) ¹⁰ хорошо характеризует общий подход правительства к проблеме: на начальном этапе реформы рост фискального давления на крестьянство не вызывал беспокойства власти, ее решение обеспечить бюджет дополнительными поступлениями на многие десятилетия вперед представлялось весьма удачным. Принудив крестьянскую общину к согласию на завышенную стоимость получаемой от помещиков земли и успешно взвалив на нее *de facto* обслуживание правительственного долга под установленный самим правительством довольно высокий процент и в течение длительного срока погашения, власть провернула выгодную долгосрочную кредитно-финансовую операцию ¹¹, получив с нее солидный доход и имея возможность десятилетиями напоминать обществу и бывшим крепостным о «недоимках», а в конечном счете – «простить» остаточные долги.

Усиливающийся фискальный гнет и растущее малоземелье серьезно снижали потенциал развития крестьянского хозяйства, изымали из его оборота не только прибавочный, но и заметную часть

¹⁰ По своему замыслу, надежно обеспеченному механизмом его реализации, крестьянские выкупные платежи должны были с лихвой покрывать расходы правительства по обслуживанию процентных бумаг, которыми оно расплачивалось с помещиками за выкупаемые у них крестьянами земли. Поэтому объем актуальной крестьянской задолженности по выкупным платежам в целом хорошо соотносится с соответствующей частью госдолга.

¹¹ Выбор в качестве формы выкупного платежа аннуитета (фиксированного по сумме ежегодного платежа) с параметрами 6 % и 49,5 лет был, безусловно, неслучаен. Так, несложный подсчет показывает, что увеличение процента лишь на один пункт (до 7 %) снижает выкупной период до 29 лет (более чем на 20 лет!), а совокупную сумму платежей за весь период выплат – в полтора раза.

необходимого продукта, напрямую подрывая хозяйственные перспективы российской деревни. «Переход на выкуп форсировал обнищание основной массы крестьян», – резюмирует Б. Г. Литвак на основании исследования ситуации в Черноземной области России (Литвак 1972: 412).

Лишь к началу 1880-х гг. правительство обратило свой взор на ухудшение положения освобожденного крестьянства. В 1880–1881 гг. М. Т. Лорис-Меликовым была разработана программа действий, предусматривающая отмену подушной подати (реализовано в 1887 г., после чего эта подать продолжала взиматься только в Сибири), прекращение временнообязанного состояния (инициировано в 1881 г. Александром III, реализовано в 1883 г.) и отказ от дополнительного 20%-ного платежа в пользу помещиков, а также сокращение размера выкупных платежей¹². В целом же мерами начала царствования Александра III (снижение на 12 млн рублей выкупных платежей и отмена подушной подати) налоговое бремя крестьянства было снижено на 53 млн рублей¹³, то есть на 1/6 часть (Россия... 1991: 193). Кроме того, министром финансов Н. Х. Бунге предпринимались систематические усилия к более равномерному распределению налогового бремени путем обложения иных, более имущих классов населения, «до тех пор изъятых от прямого обложения или недостаточно обложенных» (Там же), введения налога на наследство и дарение, на торговые и промышленные предприятия и на денежные капиталы, повышения налога на недвижимое имущество в городах, поземельного налога и пр. Был взят курс на введение со временем единого подоходного налога...

Тем не менее все эти, по сути, реактивные действия власти (притом что они реально снижали фискальный гнет для наименее адаптированных к новой ситуации страт общинного крестьянства) олицетворяли собой инерцию старых подходов к аграрной пробле-

¹² Последние «ослабления» были явно ориентированы на помощь беднейшей части временнообязанного крестьянства, неспособной к аккумуляции средств, требуемых для перехода на выкуп. Напротив, более состоятельное крестьянство, уже выплатившее требуемое, было тем самым «наказано» за договороспособность и законопослушное поведение.

¹³ Отмена подушной подати компенсировалась повышением платежей, взимаемых с бывших государственных крестьян (которые законом от 12.06.1886 г. переводились на выкуп; их платежи были также рассчитаны на 49,5 лет и в сравнении с оброчной податью возрастали почти в полтора раза), и введением акциза на водку.

ме. Лишь со второй половины 1880-х гг. начинают происходить важные перемены в сфере политической стратегии российского государства: самодержавие переходит к политике казенного предпринимательства и индустриализации «сверху». Прежнее фритредерство сменяется протекционизмом, пересматриваются приоритеты государственной внешней и внутренней политики, для повышения «инвестиционной привлекательности» российского правительства проводятся санация финансовой системы и уникальная по мировым меркам того времени реструктуризация внешней российской задолженности (так называемые конверсии Вышнеградского), «насаждение» крупной индустрии подкрепляется перераспределением национальных ресурсов. Начинается «*индустриальная революция*» Александра III (подробнее см.: Лапкин 2010: 193–194; 2011: 46).

В рамках этой новой парадигмы развития Империи аграрный вопрос становится вопросом эффективности использования потенциала пореформенной деревни в качестве ресурса индустриализации. Период некоторого смягчения фискального давления на крестьянство (начало 1880-х гг.) сменяется в конце 1880-х гг. усилением мер прямого вмешательства правительства в крестьянские дела. В 1889 г. вводится должность земского участкового начальника, обязанного контролировать деятельность сельских обществ и волостей, ориентируясь на дополнительное укрепление общины и сдерживание процессов дифференциации в общинной деревне. Совершенствуются механизмы принудительной «товаризации» производимых деревней натуральных сельхозпродуктов, отчуждаемых в счет выкупных и налоговых платежей. Катастрофических масштабов голод 1892–1893 гг. (накануне хлебный импорт достиг рекордных 20 % от общероссийского сбора) становится своего рода символическим «рубежным знаком», маркирующим принципиальную смену стратегических ориентиров российского самодержавия. Сменяя окончательно подорванную и скомпрометированную Реформой¹⁴ прежде фундаментальную для государства стратегию

¹⁴ Реформа сломала главный механизм аграрной колонизации, который был сращен с системой закрепощения, включающей обязанность помещиков обеспечивать своих крепостных (кроме дворовых) соответствующим полевым наделом. Реформа освободила помещиков от такой обязанности, заложив в систему сформированных ей аграрных отношений (особая юрисдикция сельского общества, неотчуждаемые общинные земли, круговая порука и пр.)

внутренней аграрной колонизации (подробнее см.: Лапкин 2011: 35–42), формируется политика внутренней *индустриальной* колонизации, в интересах которой реконфигурируется вся ресурсная мощь самодержавия и в рамках которой аграрная сфера все в большей степени превращается лишь в *объект фискального интереса*. Индустриализация Великобритании (классический образец) опиралась на ресурсную мощь ее грандиозной колониальной империи. Индустриализация континентальных держав Европы столкнулась с более серьезными ресурсными ограничениями; в итоге мир вступил в эпоху *империализма* и прошел сквозь две мировые войны. *Российская индустриализация* изначально проектировалась в расчете на преимущественное обеспечение ресурсами, формируемыми в ходе *внутренней колонизации*¹⁵, прежде всего – отчуждаемыми из хозяйственной сферы выведенного за рамки общегражданской юрисдикции общинного крестьянства, что продолжалось **в течение целого века (!!!)** – с 1861 г. до конца 1950-х гг. (за исключением, может быть, краткого периода нэпа).

Этой фундаментальной смене приоритетов развития страны предшествовал и сопутствовал нарастающий конфликт охранительного и праволиберального подходов власти к аграрному вопросу. Сторонники первого настаивали на необходимости сохранения практики сосуществования крестьянского и помещичьего землевладения «в разных правовых пространствах», игнорируя задачу выработки «надсословной концепции частной земельной собственности» (Долбилов 2002: 151–152). Их оппоненты (в числе которых был в тот момент уже председатель Кабинета министров Н. Х. Бунге) полагали, что политика, «призванная обеспечить *сословную замкнутость* крестьянского землевладения и *неотчуждаемость* крестьянских земель, нарушала “в корне установленное приведен-

«часовой механизм» растущего аграрного перенаселения в условиях дефицита капитализации, необходимой для роста производительности сельского труда, продуктивности хозяйства, агрокультуры, урожайности и пр. Все это создавало колоссальные препятствия для формирования рыночной альтернативы прежней стратегии. Сельское население, являющееся основным поставщиком натурального продукта на рынок, в массе своей по-прежнему оставалось вне рыночных отношений.

¹⁵ Процессы внутренней колонизации подверглись теперь глубокой качественной трансформации: прежняя аграрная колонизация уступала приоритет колонизации индустриальной.

ным законом понятие о *крестьянах-собственниках*”, т. к. *все временные ограничения права собственности крестьян на землю устанавливались авторами реформы 1861 г. лишь в интересах казны, “ввиду необходимости обеспечить лежащий на крестьянской земле выкупной долг”*. Но в 1893 г. большинство членов Госсовета отвергли предложения Бунге», а «предоставление крестьянам права распоряжения земельными наделами было признано большинством сановников неприемлемым» (цит. по: Беспалов 2011: 97).

В итоге закон 1893 г., подтверждая неизбежность общины и неотчуждаемого крестьянского надела (запрет продажи и залога надельных земель), резко ограничивал (вопреки Положению 19.02.1861 г.) право крестьян на досрочный выкуп своего надела в частную собственность. Для этого теперь, помимо внесения сполна выкупной суммы, требовалось еще и получение на это разрешение сельского схода и коронной администрации в лице земского начальника. Семейные разделы разрешались теперь только с согласия схода. Очередные переделы земель разрешалось проводить не чаще чем каждые 12 лет. Тем самым ответом власти на усиливающийся аграрный кризис в тот момент, когда негативные последствия выбранной стратегии Реформы проявились уже со всей отчетливостью, стала еще более определенная поддержка курса на упрочение и закрепление сословной сегрегации общинного крестьянства посредством совершенствуемой совокупности институтов переделной общины и поощрения соответствующих практик. Эта политика оказалась эффективным тормозом процессов модернизации, и в итоге в дело реализации модернизационного императива история подключила революционный фактор. Впрочем, более столетия спустя очевидно, что и революция смогла упразднить лишь прежний формат такой сегрегации, но не сам этот *фундаментальный принцип российской модернизации...*

Аграрная политика в эпоху Первой русской революции и столыпинской реформы: тактические достижения и стратегическая неудача

Анализируя эволюцию пореформенной деревни, Б. Н. Миронов в своем капитальном и широко известном труде «Социальная история России периода империи...» акцентирует высокий рост темпа

приобретения крестьянами земли в личную собственность за пределами общины. За сорок пореформенных лет рост составил 1,5 раза по числу продаж (в год) и 15 раз – по площади земельных участков, приобретаемых крестьянами в частную собственность (Миронов 2003: 481). Различие двух приведенных показателей на порядок, анализ чего сам Миронов обходит стороной, весьма характерно и, напротив, указывает на сравнительно небольшое и крайне медленно увеличивающееся в пореформенной ситуации число зажиточных крестьян, имеющих желание и возможность приобретать дополнительную (помимо общинной) землю в личную собственность. Увеличение числа продаж в 1,5 раза за сорок пореформенных лет – это *безусловный провал политики хозяйственной эмансипации крестьянства* и стимулирования его перехода к частному землевладению (даже, и тем более, если такой переход реформаторами 1861 г. предусматривался), это симптом глубочайшей хозяйственной стагнации пореформенной деревни. Дело в том, что за тот же период численность соответствующих категорий сельского населения увеличилась (за счет ускоряющегося в этот период демографического роста) существенно, более чем в полтора раза, по авторской оценке – в 1,6–1,7 раза. Тем самым в расчете на сельскую «душу населения» ежегодное число продаж в пореформенный период сократилось. В качестве характеристики «тяги крестьян к частной земле» Б. Н. Миронов обращается, что вполне резонно, к подсчету числа домохозяйств, воспользовавшихся правом выхода при досрочном выкупе своего общинного надела и легально вышедших из общины: по его оценке, таковых было 140 тыс. (Там же: 481). Если к этому присовокупить 490 тыс. крестьян, купивших землю в личную собственность за пределами общины, на стороне, то итог будет немногим более 600 тыс. из 9,5 млн крестьянских домохозяйств (Там же: 479–481). Учитывая все препоны, которые правительство ставило этому процессу хозяйственной эмансипации крестьянства (в частности, закон 1893 г.), следует признать, что реформаторы очень старались максимально ограничить число крестьян, способных реализовать эту свою «тягу к частной земле». Подавляющее большинство крестьян в первые четыре пореформенных десятилетия (вплоть до Первой русской революции и столыпинских преобразований) такой возможности не имели, и Ре-

форма им такой возможности не предоставила, несмотря на стремительно сокращающийся размер их земельного надела в расчете на душу крестьянского населения. Вместе с тем резкое (по разным оценкам – 10–15-кратное за сорок лет) увеличение площадей приобретаемых крестьянами земельных участков указывает на то, что пореформенные порядки стимулировали поляризацию крестьянства, укрепление позиций сельских «мироедов».

Неблагополучие ситуации в деревне многим российским саяновникам, включая ключевые фигуры правительства (такие, например, как С. Ю. Витте), было очевидно задолго до событий 1905 г. Но резкое обострение ситуации произошло именно тогда и по мере того, как крестьянство, закрепощенное реформой в общине и на протяжении десятилетий настойчиво и не щадя сил рвавшееся к обетованной **Свободе**, на выходе из выкупных платежей получило возможность практически оценить это свое вновь обретенное состояние. Именно «дотянув» к началу XX в. до вожденной «свободы» и вкусив ее первые плоды, крестьяне перешли из состояния *надежды* в состояние *отчаяния*. Именно пореформенное малоземелье выбивало почву из-под ног крестьянства в прямом и переносном смысле, решительно расшатывало его многосотлетнюю веру в незыблемость его *взаимности* с Самодержавием и Православием.

Но *свобода*, воспринятая как разрыв прежней *взаимозависимости*, превращается в *рабство*, тотальную *зависимость от чуждого и неподконтрольного личности внешнего принуждения*. Таков закон любой Революции. В России воплощением этого нового *рабства* и стал последующий советский социальный эксперимент, в котором «граждане освобожденной страны» оказались в полной зависимости от посястороннего произвола своих вождей-властителей...

Первый приступ крестьянского отчаяния в канун революции 1905 г. принял формы массовой, спонтанной, во многом бессознательной и иррациональной ненависти к символу прежней «крепости» и нынешнего малоземелья, символу ложной «свободы» и новых общинных и казенных пут – к помещичьей усадьбе. С этого времени, особенно с 1905–1906 гг., поджоги и погромы помещичьих усадеб стали подлинным общенациональным бедствием. Еще

в 1903 г. было принято решение об отмене круговой поруки (распространялось на 46 губерний Европейской России). Но именно с этого момента уступки власти, ее готовность к послаблению установленных законом правил и поборов лишь распаляли сельское общество, стимулировали крестьянские беспорядки. Собственно, беспрецедентный характер последних в 1905 г. и побудил власть к радикальному пересмотру приоритетов аграрной политики.

Община, прежде рассматриваемая в качестве гаранта стабильности в русской деревне, предстала в глазах и власти, и общественности главным «мотором» крестьянских беспорядков, при этом абсолютно непонятым правительству и неконтролируемым им. Эффект крестьянского бунта был столь впечатляющим, что уже в начале ноября 1905 г., не дожидаясь завершения работы Совещаний по аграрному вопросу, правительство Витте приняло решение об отмене выкупных платежей и накопившихся недоимок. Институт круговой поруки отменялся повсеместно. Власть приняла решение делать теперь ставку на крепкие индивидуальные крестьянские хозяйства и в рамках этой новой стратегии стимулировать их выход из общины. Налогообложение крестьян становилось индивидуальным (посредством государственных податных инспекторов), участие в нем волостных и сельских управлений отныне не предусматривалось.

Свобода, обещанная крестьянам в 1861 г., наконец, казалось бы, пришла в российскую деревню. В августе – ноябре 1906 г., в период между Первой и Второй Государственными думами, выходит ряд указов: о продаже крестьянам государственных земель, об улучшении гражданско-правового статуса крестьян, наконец, о праве крестьян на выход из общины и закрепление в собственность своих наделных земель. Законодательное (через Думу) подтверждение положений этих указов затянулось на длительный срок (до 1910–1911 гг.), а правительственные законопроекты по реформе местного самоуправления так и не смогли пройти через законодательные учреждения вплоть до Февральской революции 1917 г.

Столыпинские преобразования ориентировали деревню на переход от общинной к частной крестьянской собственности. Практиковались кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для последующей перепродажи крестьянам на льготных условиях и пр.

Фактически эти преобразования разворачивали аграрную политику самодержавия на 180 градусов, от прежнего всемерного поощрения и укрепления сельского общества к его постепенному изживанию. Многочисленные меры были направлены на поддержку кооперативного движения. После принятия в 1911 г. закона «О землеустройстве» преобразования получили дополнительное ускорение и не прекращались, несмотря на очевидные трудности, даже в период Первой мировой войны.

Помещичьи хозяйства превращались во второстепенный элемент общего хозяйственного потенциала российского агропроизводства. В 1916 г. крестьяне уже засевали (на собственной и арендуемой земле) 89 % земель и владели 94 % сельскохозяйственных животных. Создавалось ощущение вступления страны в период устойчивого аграрного роста, интенсификации сельскохозяйственного образования, роста спроса на современный сельхозинвентарь, знания и технологии.

Но стоит более внимательно проанализировать совокупные итоги аграрных преобразований 1906–1916 гг., связанных с освобождением крестьян от принудительного пребывания в общине. С 1907 по 1916 г. официально порвали с передельной общиной 3,1 млн из 10,9 млн общего числа крестьянских дворов, то есть лишь 28 % (Миронов 2003: 481). Между тем это существенно меньше того, что дают расчеты по фактическому предпочтению подворного землевладения накануне 1905 г., проведенные Б. Н. Мироновым с использованием статистики Министерства внутренних дел и данных К. Р. Качоровского (1906). По данным двух этих источников, к 1905 г. в общинах, числившихся передельными, но на самом деле не производивших переделов земли с 1861 г., состояло от 2,8 млн до 3,5 млн дворов (цит. по: Миронов 2003: 479–480). Суммируя эти цифры с приведенным ранее числом домохозяйств, выкупивших свой общинный надел или прикупивших землю на стороне (в сумме немногим более 600 тыс.), Б. Н. Миронов делает вывод: «39 % всех крестьян – членов передельных общин в 1905 г. разочаровались или не доверяли вполне передельной общине...» (Там же: 481). Более того, «общинные порядки не были насильственно сломаны столыпинской реформой: как до реформы, так

и после нее проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа» (Миронов 2003: 482).

Усилим вывод Б. Н. Миронова. В течение 1861–1905 гг. этот «естественный процесс» последовательно сдерживался самодержавным правительством и тщательно камуфлировался насаждаемыми сверху институтами передельной общины, которые весь пореформенный период оставались чуждыми более чем трети российского крестьянства. При этом движение в сторону подворного хозяйствования в остальной части крестьянства в этот период оказалось минимальным, и нет свидетельств, что это движение усилилось (либо как-то активизировалось) в период столыпинских преобразований. Иными словами, *власть в течение почти полувека делала в аграрной политике то, чего не следовало бы делать* (сдерживала движение крестьянства к хозяйственной самостоятельности и подворному землевладению), *и не делала необходимого* (не способствовала преодолению общинно-передельных практик и дифференциации крестьянства, стимулированию перехода от передельного к подворному землепользованию), что единственное давало ей стратегический шанс на выживание.

В целом же суммарное количество тех, кто легально вышел к 1905 г. из передельных общин путем досрочного выкупа надельной земли (1,5 %), кто приобрел землю в собственность «на стороне» (5 %) и кто устойчиво склонялся к подворному землевладению, формально пребывая в передельной общине (около 33 %), составляет немногим меньше 40 % дворов. Это количество хорошо соотносится с итоговыми результатами (к 1916 г.) столыпинских преобразований в части проявленного желания выйти из общины, заметно перекрывая число крестьянских хозяйств, реально успевших к этому времени закрепить землю в частную собственность.

Конкретный результат преобразований заключался фактически в том, что подавляющему большинству крестьянских дворов, желавших перейти от передельного к подворному землевладению, такая возможность была в конце концов предоставлена. Тем не менее те, кто накануне 1905 г. оставался верен передельно-общинному принципу землепользования (а эта категория составляла около 3/5 всех крестьянских дворов), в большинстве сохранили свои предпочтения вплоть до 1917 г. Столыпинские преобразования

лишь проявили, сделали очевидным и *политическим* размежевание передельной и подворно-хозяйствующей деревни, **создали предпосылки будущей «гражданской войны»** (закавычим, поскольку это была «гражданская война» при отсутствии у большинства ее участников представлений о гражданственности, гражданского самосознания как такового). Более того, они *подготовили и облегчили перенос принципов этого социально-политического противостояния из деревни до масштабов страны в целом*. В ходе этих преобразований был легализован раскол деревни, а конфликт между различными социальными стратами крестьянства выведен за рамки локальной крестьянской общины. Ответственность за разрешение этого, до той поры внутреннего, запертого в сельском Мире конфликта легла теперь на плечи правительства и государства в целом. Но ни правительство, ни государственная (самодержавная) элита, к великому российскому несчастью, «не заметили», не придали значения этой перемене, не приняли на себя эту ответственность, более того, «подлили масла в огонь», втянув страну в мировую бойню.

Поэтому, когда в 1917 г. правительство «пало», а государство утратило отчетливость своих прежних властных очертаний, «крестьянский вопрос» стал ключевым политическим вопросом всего российского общества, главным в повестке дня российской социальной революции. Конфликт общины и сторонников правового порядка стал силой, обрушившей Россию. При этом ни она, ни другие в конфликте не уцелели, поскольку, начавшись, этот конфликт не мог быть погашен до тех пор, пока обе стороны взаимно не истребили друг друга, в этой беспощадной борьбе породив и укрепив, «вскормив своей борьбой третью силу», подчинившую страну новому социальному порядку.

Вместо заключения. Революционное разрешение аграрного вопроса в России и его долговременные последствия

Крах самодержавного государства и олицетворяемого им порядка стал концом столыпинских преобразований и Крестьянской (аграрной) реформы как политического проекта старой власти. С новой силой возобновляются поджоги и погромы помещичьих усадеб. Война лишь усилила прежде копившуюся в стране несов-

местимость и взаимное отторжение. С одной стороны, ее современная городская цивилизация склонялась к сохранению политического *status quo*. Квинтэссенцией этого подхода стала позиция самодержавной власти, которая предпочла неправомерному отказу от престола возможности *правовой реформы* самодержавного строя, его трансформации в конституционную монархию¹⁶. Но, с другой стороны, российская деревня, стимулируемая очевидным бессилием власти в деле защиты правового порядка, отвергала путь формально-правовых решений в пользу обычного (традиционного) права распоряжения всей пригодной для сельхозэксплуатации земель страны. То подспудное состояние «гражданской войны» общинной деревни с ненавистным городом и продвигаемыми им реформами, которое культивировалось в сельской среде с начала XX в., уже к лету 1917 г. становилось явью.

Эти два сердца в едином социальном организме России, не связываемые уже общими верованиями и ценностями, несовместимые и отторгающие друг друга (*discordia*), предрекали, согласно яркой метафоре Х. Ортега-и-Гассета (2000: 37), борьбу сторон до полного уничтожения противника. Упразднение самодержавия либеральной элитой в феврале – марте 1917 г. было воспринято крестьянством как прецедент, как символ распада прежнего общероссийского согласия, знак того, что теперь «все дозволено», и состоятельные, защищенные правом «городские классы», символизирующие вековое угнетение крестьянства, должны быть уничтожены «до основания».

Но наряду с сошедшимися в смертельном противоборстве российской городской цивилизацией, возникшей как результат петровских преобразований, и длительное время культивируемой властью общинно-передельной деревней на авансцену российской истории со всей решительностью вступила и «третья сила» – большевизм. В решающей степени успех большевизма¹⁷ был обусловлен тем, что в России не было массовых социальных сил, способных защитить правовой социальный порядок от посягательств полити-

¹⁶ Представим себе на секунду, насколько иной могла быть история Революции, если бы перед своим отречением Николай II последним указом выпустил Манифест об упразднении самодержавия и переходе страны к конституционно-монархическому порядку.

¹⁷ «Ни для кого не тайна, что если в России большевизм победил, то победил потому, что в России не было буржуазии» (Ортега-и-Гассет 2000: 160).

ческих радикалов. Большевикам потребовалось лишь правильно сориентировать, подчинить своим политическим целям разрушительный потенциал общинно-передельной революции, придать ему формат общероссийской политической силы. Эта стихия уже с весны 1917 г. используется большевиками в качестве своего рода тарана, с помощью которого была осуществлена значительная часть работы революционного низвержения старого социального порядка. А Декрет о земле, принятый 8 ноября 1917 г., фактически легализовал уже свершившийся «на местах» поворот к практике уравнительного землепользования, периодических переделов и поравнений, перечеркивавший все прежде достигнутые результаты столыпинской аграрной реформы. По-прежнему преобладающее в России общинное землевладение в ходе «революционного передела» окончательно взяло верх над «выделившимися» односельчанами, принудительно втягивая их в общину, практикуя уравнительный передел участковых земель, их запашку, потравы, вплоть до разгрома и поджога не только помещичьих, но и крестьянских, соседских усадеб. По словам очевидца тех событий, община стала «главнейшим аграрно-революционным ферментом в деревне, важнейшим аппаратом земельной реформы» (цит. по: Россия... 1998: 163).

Именно этот первоначальный успех тактического союза большевиков с общинно-передельным крестьянством обеспечил выживание большевистского режима на начальном этапе его существования, вплоть до лета 1918 г. Поглощенное переделами и поравнениями крестьянство привнесло в жизнь страны столько хаоса и беспорядка, что фактически нейтрализовало всякое сопротивление большевистской политике экспроприации промышленности, финансов и торговли со стороны имущих городских слоев. Это позволило осуществить окончательный разгром российского внутреннего рынка и вплотную подойти, в рамках политики военного коммунизма, к формированию режима единой политической и хозяйственно-распределительной монополии.

Аграрная революция, неслышанно укрепившая господствующее положение общины в деревне, сгладила остроту последствий развала рынка, раскрепостив резервы натурального уклада. Этот уклад смог приспособиться и к крайне извращенному натуральному обмену времен военного коммунизма, и к черному рынку, к спекуляции и мешочничеству, по-прежнему обеспечивая при этом (помимо

разверстки и реквизиций) значительную часть потребляемого городами продовольствия. Но натурализованное хозяйство было лишено внутренних стимулов производства отчуждаемых излишков. Новой революционной власти пришлось возродить (во многом усилиями местных продорганов) такой, казалось бы, забытый с 1905 г. институт общины, как круговая порука. Тем не менее окрепшая в ходе революции община оказалась крайне неудобной для реализации продразверстки, и даже в условиях военно-коммунистического террора продорганам не удалось расколоть общину и путем селективных реквизиций уравнивать в потреблении зажиточных и безлошадных, бобылей и многосемейные хозяйства. Результатом политики военного коммунизма стало лишь стремительное падение общего уровня сельскохозяйственного производства. Попытка построить новый военно-коммунистический хозяйственный порядок на основе старой сельской общины оказалась обреченной на неудачу. С этого момента ликвидация общины становится приоритетом аграрной стратегии большевизма. И первым шагом на пути такого преобразования стал Декрет ВЦИК о введении продналога 20.03.1921 г., которым коллективная порука отменялась и вводилась индивидуальная ответственность за исполнение налога. Рынок, допущенный нэпом, понадобился большевикам в том числе и затем, чтобы одолеть общину. Ведь лучшего средства ее разложения изнутри история еще не придумала.

К началу нэпа доминирование общинного землепользования в российской деревне было налицо¹⁸. Крестьянство к этому времени прошло процесс национализации и социализации земли, утратило стимулы к расширению хозяйственной деятельности и, наконец, подвергшись разорению в период военного коммунизма и братоубийственной Гражданской войны, вернулось к натуральным формам воспроизводства. С введением нэпа, как и во времена Столыпина, был запущен и постепенно набирал обороты механизм внутренней дифференциации деревни. С 1927 г. бедняков освободили от налогов, зажиточных стали буквально душить растущим налоговым бременем. В деревне нарастала социальная напряженность.

¹⁸ «...К 1922 г. в Советской России 85 % всей земли находилось в общинной собственности, в 67 % общин произошел передел земель...» (Миронов 2003: 483).

По логике времен военного коммунизма производящая деревня ответила снижением поставок товарного зерна. Власть воспользовалась кризисом хлебозаготовок и под предлогом борьбы с «крестьянским бунтом» стала возрождать отдельные элементы политики продразверстки: реквизиции зерна, поиски «излишков», использование сельской бедноты как агентов власти. Страна, казалось, ускоренно проходила этапы развития аграрного кризиса периода военного коммунизма. Но два принципиально новых момента отличали ситуацию конца 1920-х гг. от первых пореволюционных лет. В ходе нэпа старая община, повторно лишенная института круговой поруки, подверглась глубокому разложению. Реквизиции и разверстка теперь носили сугубо адресный характер и целенаправленно били по кулаку, который уже не мог, как в 1918 г., рассчитывать на то, что сельский мир разделит с ним бремя новых поборов. С усилением аграрного кризиса, ростом цен, снижением покупательной способности населения, усилением дефицита продуктов питания, появлением в городах в феврале 1929 г. хлебных карточек все условия для осуществления «великого перелома» оказывались налицо.

Последующее хорошо известно. На смену беспощадно уничтожаемой общине пришла новая форма сельского «коллектива» – колхозы образца 1930-х гг., – отличающаяся от прежней тем, что воспроизводила общинное землепользование, но лишенное всяких признаков индивидуального хозяйствования. При сохранении индивидуальных крестьянских хозяйств в рамках общинного землепользования обеспечивались предпосылки дифференциации доходов и тем самым устанавливался предел норме отчуждения. В колхозах этот принцип отчуждения был решительно преобразован: кто больше производил, у того больше и отымалось. Со становлением нового аграрного порядка эпоха российской истории, связанная с развитием товарно-денежных отношений, на длительное время фактически завершилась. «Великий перелом» положил начало процессу формирования «нового человека», утрачивающего способность жить частным образом и саму потребность в этом. Но, как ни парадоксально, он стал продолжением – в новых условиях – политики решения проблем развития страны путем последовательного использования: а) общинно-передельных практик; б) практик вве-

дения особых правовых режимов, институциональной и правовой изоляции многомиллионных социальных групп, выводимых из-под общей юрисдикции; в) практик, придающих «прикреплению» лиц к имуществу юридический титул собственности.

На пути к становлению современного общества и государства Россия в середине XIX в. столкнулась с неодолимыми проблемами, важнейшей среди которых оказалась проблема исключенности из общественных процессов общинного крестьянства, что, учитывая «вес» в масштабе российского государства, ставило под вопрос перспективы развития страны. Новый импульс специфическим процессам российской модернизации (подробнее см.: Лапкин 2010) придало радикальное, революционное переформатирование этого проекта, осуществленное большевиками. Однако ценою этого продвижения стало большевистское «раскрестьянивание»: вопрос ставился о ликвидации целых «классов» сельского населения, на которых во многом держался весь социальный порядок российской деревни. С их упразднением крестьянство (как особая социальная общность, доминирующая в дореволюционной России), безусловно, было обречено на «медленное, мучительное вымирание»¹⁹, что и произошло с ним всего за три десятилетия (1929-й – конец 1950-х гг.).

Еще в эпоху Петра Великого в основание новой России было заложено единство городской европеизированной цивилизации, ориентированной на право и рынок, и натуральных сельских укладов, сцементированных общинным землепользованием и крепостной зависимостью. Вынужденный (с конца XIX в.) поворот этого государства к капиталистическому предпринимательству привел к тому, что экономические риски последнего стали конвертируемы в политические риски самого государства. После краха исторического самодержавия социалистический проект предложил решение на основе формирования системы капиталистического накопления *без буржуазии и внутреннего рынка*, когда монопольным субъектом такого накопления выступало государство. Еще К. Маркс обращал

¹⁹ По едкой иронии истории, точнее любого иного суждения итог этой эволюции российского крестьянства резюмирует фрагмент известного высказывания Ильича, обличавшего царистскую аграрную политику 1890-х гг. (см.: Ленин 1967: 431).

внимание на возможные последствия одностороннего, несовершенного, исторически не подготовленного воплощения «социализма» в формах «грубого коммунизма», «движения, стремящегося противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность... Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием... есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» (Маркс 1956: 586–587). Идеология «социализма» отражает особенность социальной организации тех общественных слоев, подавляющее большинство представителей которых лишены возможности отстаивать свои интересы частным образом, поскольку лишены основы частного интереса – частной собственности... Характер взаимоотношений внутри этого слоя таков, что исключает *акт обмена*, акт торговли, исключает опосредующую роль *рынка* (!) и тем самым упраздняет условия формирования частного интереса и частной собственности. Собственность поэтому обретает черты групповой, коллективной, ибо она определяет свои границы лишь там, где вступает в отношения обмена, торга, рыночного взаимодействия.

Именно в России благодаря большевизму социализм стал необходимым ферментом исторического процесса индустриализации, и именно тенденции «небуржуазного» разложения докапиталистических сословных общественных структур побудили к жизни социалистическое организационное вмешательство в несовершенство рыночной стихии. Неслучайно, что наиболее развитые, классические мировые центры промышленного капитализма (такие как Великобритания, США, Япония и др.) обладают наивысшим иммунитетом к радикальному социализму. Как неслучайно и то, что в тех странах, где «роды» индустриального общества оказывались осложненными (Россия, Китай), именно радикальный социализм фактически принял на себя роль повивальной бабки индустриализации. В большевистской России социализм впервые познал грех власти. «Новый социализм... – писал Георгий Федотов в самом начале 1930-х гг., – отправляясь не от защиты угнетенных, а от сохранения общества в целом... проникнут пафосом не справедливо-

сти, а организации... От анархии буржуазного общества он обращается не к идеальной анархии будущего, а к порядку и мощи реального, национального государства... Лишь в соединении с соблазном мощи организация увлекает новых революционеров. Новый социальный идеал оказывается родственным идеалу техническому, как бы социальной транскрипцией техники: социальным конструктивизмом. Новый человек хочет строить новый город из огромных глыб человеческих масс, и государство представляется для его сожженной совести, для его оскудевшего разума единственным и притом безграничным источником энергии. Оно должно поставить на службу себе все силы и способности человека, сковать все классы цепью социального долга и разрешить, наконец, проблему разумного хозяйства и всеобщей обеспеченности...» (Федотов 1931: 423). Так, формирование невиданного более нигде в мире чуда *капитализма без рынка и буржуазии* стало самым драматическим по своим социальным последствиям (то есть по эффекту разложения основ общественной консолидации страны) результатом Крестьянской реформы. Полноценный выход из этого ценностно-культурного, социально-политического и экономического тупика не найден нашей страной и по сей день.

Литература

Беспалов, С. В. 2011. Вопрос об «истинном значении» реформы 1861 года в российских политических дебатах конца XIX – начала XX века. В: Коновалов, В. С. (отв. ред.), *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права)*: сб. обзоров и рефератов (с. 95–108). М.: ИНИОН РАН.

Боголюбов, В. А. 1911. Крепостное право в XVIII веке. В: Дживелегов, А. К., Мельгунов, С. П., Пичета, В. И. (ред.), *Крепостное право в России и реформа 19 февраля* (с. 56–74). М.: Тип. тов. И. Д. Сытина.

Большакова, О. В. 2011. Отмена крепостного права в России. Англоязычная историография 1960–1990-х годов (Аналитический обзор). В: Коновалов, В. С. (отв. ред.), *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права)*: сб. обзоров и рефератов (с. 200–220). М.: ИНИОН РАН.

Витте, С. Ю. 1991. *Избранные воспоминания*. М.: Мысль.

Вормс, А. Э. 1911. Положения 19 февраля. В: Дживелегов, А. К., Мельгунов, С. П., Пичета, В. И. (ред.), *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание*: в 6 т. Т. 6 (с. 1–53). М.: Тип. тов. И. Д. Сытина.

Долбилов, М. Д. 2002. Земельная собственность и освобождение крестьян. В: Аяцков, Д. Ф. (общ. ред.), *Собственность на землю в России: история и современность*: сб. (с. 45–153). М.: РОССПЭН.

Дружинин, Н. М. 1927. Журнал землевладельцев. 1858–1860 гг. *Ученые записки Института истории РАНИОН* 2: 251–311.

Захарова, Л. Г. 1992. Самодержавие и реформы в России, 1861–1874: (К вопросу о выборе пути развития). В: Захарова, Л. Г., Эклоф, Б., Бушнелл, Дж. (ред.), *Великие реформы в России. 1856–1874* (с. 24–43). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Качоровский, К. Р. 1906. *Народное право*. М.: Молодая Россия.

Кеппен, П. 1857. *Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.* СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. URL: http://books.google.ru/books?id=-6kbtV51dzkC&pg=PR13&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Коновалов, В. С. (отв. ред.) 2011. *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права)*: сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН.

Лапкин, В. В.

1989. Община в предреволюционной и революционной России. *Известия АН СССР. Серия «Экономическая»* 5: 129–136.

2010. Проблемы российского развития в контексте структурных изменений миропорядка (конец XIX – начало XXI в.). В: Глебова, И. И. (гл. ред.), *Труды по россиеведению*: сб. научных трудов. Вып. 2 (с. 185–210). М.: ИНИОН РАН.

2011. Моделирование российской политической истории. Введение в теорию эволюционных циклов автохтонного развития России. *Политические исследования* 6: 33–51.

Ленин, В. И. 1967. Рабочая партия и крестьянство. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 4. (с. 429–437). М.: Изд-во полит. лит-ры.

Литвак, Б. Г. 1972. *Русская деревня в реформе 1861 г.: Черноземный центр, 1861–1895 гг.* М.: Наука.

Малая советская энциклопедия (МСЭ). 3-е изд. / гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 5. М.: Большая советская энциклопедия, 1959.

Маркс, К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Из ранних произведений* (с. 586–587). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Медушевский, А. Н. 2005. *Проекты аграрных реформ в России, XVIII – начало XXI века*. М.: Наука.

Миронов, Б. Н. 2003. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин.

Ортега-и-Гассет, Х. 2000. *Избранные труды*. М.: Весь Мир.

Пивоваров, Ю. С. 2009. О русских революциях. Послесловие. В: Глебова, И. И. (гл. ред.), *Труды по русистике*: сб. научных трудов. Вып. 1 (с. 21–67). М.: ИНИОН РАН.

Россия: Энциклопедический словарь. На основе материалов Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (тт. 54 и 55). Л.: Лениздат, 1991.

Россия: Энциклопедический справочник / под ред. А. П. Горкина, А. Д. Зайцева, В. М. Карева и др. М.: Дрофа, 1998.

Федотов, Г. П. 1931. *Социальный вопрос и свобода. Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал XLVII*: 421–438. URL: http://www.odinblago.ru/soc_i_svoboda.

Хок, С. 1992. Банковский кризис, Крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861. В: Захарова, Л. Г., Эклоф, Б., Бушнелл, Дж. (ред.), *Великие реформы в России. 1856–1874* (с. 90–106). М.: Изд-во Моск. ун-та. URL: <http://knigi.link/russia-history/stiven-hok-bankovskiy-kri-zis-krestyanskaya-5941.html>.

Field, D. 1976. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.